№ въ 1 кол. по 75 коп.

стой годъ изданія (1653) 204

ь, Учредительное Со
нишь въ томъ случаѣ,
будетъ принадлежать
превратится во второе
съѣзда. Что же бу-
нѣ, если большевики
не на выборахъ? Во-
ть на этотъ вопросъ съ
тью:
будутъ съ избирательны
мъ придется взяться за
обы избѣгнуть граждан-
предупреждать сейчасъ
ть массамъ понять, что
укрѣпить октябрьскія
чать мирнаго развитія,
ть, что необходимо, что-
Собраніе пошло въ кон-
й властью.
Собранію, которое еще
шевики ужъ и теперь
московской городской
созывать это Учреди-
Одинъ изъ большеви-
совершенно послѣдова-

, что «Учредилка» теперь
тени отдаются для игры

ленію присоединился и
ронинской части». Соц-

то была теперешняя власть,
тому Учредительнаго Со-
Нужно приложить ма-
, чтобъ разъяснить мас-
ки.
льшевизма прилагаютъ
ки, чтобы убить Учреди-
«Дѣло Народа» иллю-
чета о засѣданіи Совѣта
ъ большевики воспиты-
ъ кругахъ демократиче-
парламентъ:
Троцкій тоже недоволенъ
ъ парламентъ. Онъ, правда,
готовъ признать, что «де-
нѣнія, не причесаны и не
Но дѣло не въ этомъ, а въ
настоящее время критикан-
ъ на дурную буржуазную
ъ, у большевиковъ,—увѣ-
—обычная парламентская
тина и пикчемка», а пар-
ъ, вообще, заключаетъ въ
бованіи».
аментская техника» тре-
министерство, которому
ріе, вышло въ отставку.
жуазію! «Соціалистиче-
выглядѣть совсѣмъ по

е постановки были решен-
вых с.-р.ов», гдѣ объяс-
ся изжаются неудовлетвори-

дало 29 голосовъ противъ
23—за и 3 воздержавшихъ.
при этомъ отмѣтить, что
ціи голосовали Ленинъ и
участвовали въ голосованіи,
недовѣріе «минис.рамъ», и
ис ры», которымъ это недо-
ось.
ъ царитъ самодержавный
вѣтской безтолковый гал-
ко ширма для самовласт-
слей покоренного Петро-
того типа не могутъ по-
ей народовластія, въ Учре-
бранісмъ. И совершенно
ечетъ «Рабочее Дѣло»:
ни, Свидовичи, Ленини и
ѣли въ Москвѣ вѣру въ
Собраніе. Ибо они осиз-
ласть, захватъ, ибо они по-
ъ власти любому прохо-
ой сможетъ купить или
другую вооруженныхъ бое-

ія, что этотъ прохохмецъ
Учредительное Собраніе,
корпусъ-Бухарина распу-
ю городскую думу?

ъ редакціи.
слѣдующее письмо отъ
тавителя русскаго либе-
Арсеньева:
ветъ «День».
ого права разсчитывать на
гостепріимство «Дня», посылаю прилагаемую
статью безъ всякой увѣренности въ принятіи
ея редакціею. Рѣшаюсь на это въ виду всего
изгоды, постигшей всѣ близкія мнѣ до сихъ
поръ газеты—и въ виду солидарности всѣхъ
органовъ печати, кромѣ крайнихъ правыхъ и
крайнихъ лѣвыхъ, по вопросу о свободѣ
печати.
Съ искреннимъ уваженіемъ
К. Арсеньевъ.

Охотно оказываемъ гостепріимство уважаемому К. К. Арсеньеву.

Новый взглядъ на свободу печати.

Давно ли свобода печати считалось необходимымъ условіемъ лучшаго будущаго? Да но ли цѣнилось, какъ высокое благо, всякое расширеніе, всякое огражденіе этой свободы? Медленно совершалось у насъ ея теоретическое признаніе, ея фактическое развитіе; часты и тяжелы были наносимые ей удары, непрочны ея пріобрѣтенія. Исторія русской печати за послѣдніе полвѣка—настоящій мартирологъ, непрерывная смѣна короткихъ минутъ слабаго просвѣта и длинныхъ періодовъ глубокаго мрака. Отъ закона 6 апрѣля 1865 года скоро уцѣлѣли лишь одни обломки. Мелькнула, въ 1880 г., надежда на новое строительство, но вмѣсто него наступило новое разрушеніе. Чтобы печать могла вздохнуть свободнѣе, понадобилась гроза 1905 года, но почти все ею созданное было уничтожено новымъ торжествомъ грубой силы. Когда начался 1917 годъ, цѣлыя партіи, многочисленныя, быстро растущія, не имѣли своихъ органовъ въ ежедневной прессѣ и только съ великимъ трудомъ могли возвышать свой голосъ въ книгахъ и журналахъ. Все сразу измѣнилось, когда побѣдила революція. Свобода печати была не только провозглашена, но и осуществлена на самомъ дѣлѣ. Случались, правда, ея нарушенія, иногда весьма рѣзкія и невсегда находившія надлежащій отпоръ; но они не возводились въ систему, не становились предметомъ оффиціальныхъ или оффиціозныхъ оправданій. Иную судьбу приготовилъ для печати послѣдній переворотъ. Что цѣлыя категоріи періодическихъ изданій были признаны опасными для новаго порядка—опасными во время борьбы, опасными до полной побѣды,—въ этомъ не было ничего новаго; именно такъ относилась къ оппозиціонной прессѣ царская власть. Можно было удивляться столь скорому и полному воскрешенію ея традицій. Но за тактической мотивировкой репрессій и запрещеній выступаетъ другая, вмѣстѣ съ настоящимъ захватывающая и будущее. Резолюція, принятая большинствомъ новаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, признаетъ закрытіе буржуазныхъ газетъ «необходимымъ переходнымъ мѣропріятіемъ для установленія новаго режима въ области печати, при которомъ капиталисты-собственники типографій и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественнаго мнѣнія». Типографіи и запасы бумаги предполагается передать въ собственность «совѣтской власти» съ тѣмъ, чтобы партіи и группы могли пользоваться предметами печатанія сообразно своей дѣйствительной идейной силѣ, т. е. «пропорціонально числу своихъ сторонниковъ». Возстановленіе такъ называемой «свободы», т. е. простое возвращеніе типографій и бумаги «капиталистамъ-отравителямъ народнаго сознанія явилось бы недопустимой капитуляціей передъ волей капитала».

Читая резолюцію Комитета, можно подумать, что печать, при «такъ называемой» ея свободѣ, неизбѣжно и всецѣло подпадаетъ подъ власть капитала. На самомъ дѣлѣ, истинная свобода открываетъ всѣмъ мнѣніямъ, всѣмъ партіямъ, всѣмъ интересамъ возможность пользоваться печатнымъ словомъ. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи нѣтъ такой радикальной, такой соціалистической доктрины, которая не нашла бы для себя каѳедры въ газетномъ мірѣ. У насъ, послѣ революціи, въ короткій восьмимѣсячный промежутокъ времени, появился на свѣтъ длинный рядъ изданій, представляющихъ собою всѣ оттѣнки недавно запретныхъ ученій. Овладѣть печатью безраздѣльно обладатели капитала безсильны уже потому, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть выгодно изданіе газеты, чуждой или даже враждебной капитализму. Еще важнѣе то, что при извѣстныхъ условіяхъ, особенно въ моменты ускореннаго пульса народной жизни, быстро и безъ большихъ затратъ можетъ стать на ноги хорошо задуманная и умѣло руководимая газета. Лучше всякаго покровительства, лучше всякой регламентаціи можетъ проложить дорогу всему новому и свѣжему истинная, ничѣмъ не ограниченная свобода. Прочны только ея завоеванія; достигнутому съ помощью внѣшней силы всегда грозитъ паденіе или регрессъ.

Система, проводимая въ резолюціи Центр. Исп. К. ,обѣщаетъ поддержку не слабымъ, а сильнымъ: львиная доля «предметовъ печатанія» должна достаться наиболѣе многочисленнымъ партіямъ или группамъ. Многочисленность разсматривается, въ данномъ случаѣ, какъ признакъ идейной силы. Съ этимъ, конечно, согласиться нельзя; но силой матеріальной численная масса, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, оказаться безспорно можетъ. Какъ опредѣлить, притомъ, число сторонниковъ партіи или группы, постоянно колеблющееся и измѣняющееся? По результату выборовъ въ центральное представительство или въ органы мѣстнаго самоуправленія? Но, вѣдь, подать голосъ за представителей извѣстной партіи можно и не входя въ ея составъ; можно вступить въ нее сегодня и выйти изъ нея завтра, убѣдясь въ ошибочности ея заданій. Куда отнести, затѣмъ, не участвовавшихъ въ выборахъ? А партіи вновь возникающія, не успѣвшія провести на выборахъ ни одного изъ своихъ членовъ? Ихъ, значитъ, надо лишить голоса въ печатѣ, хотя, быть можетъ, на ихъ сторонѣ большая доля правды? А отдѣльныя группы, не составляющія партій? Чѣмъ объяснить, чѣмъ оправдать закрытіе передъ ними доступа въ періодическую печать? Сколько бы ни было приложено стараній къ справедливому распредѣленію «предметовъ печатанія» между органами прессы, непомѣрной, во всякомъ случаѣ, оставалась бы его неподвижность отъ одного выборнаго періода до другого. Еще болѣе произвольнымъ и ненадежнымъ былъ бы всякій другой способъ установленія сравнительной мощи группъ и партій.

Чѣмъ больше сила, представляемая печатью, тѣмъ опаснѣе вмѣшательство власти—всякой власти—въ распоряженіе всѣмъ тѣмъ, что необходимо для существованія органовъ печати. Слишкомъ мало вѣроятно безпристрастное отношеніе власти къ ея противникамъ; слишкомъ трудно ожидать, что она добровольно вручитъ имъ орудія для борьбы съ нею. Въ резолюціи Ц. И. К. «буржуазныя» газеты названы «отра-

вителями народнаго сознанія»; можно ли думать, что при такомъ отношеніи къ нимъ онѣ получатъ причитающуюся имъ, на основаніи расцѣнки «идейныхъ силъ», соотвѣтствующую долю «предметовъ печатанія»? Скажемъ больше: можно ли думать, что онѣ получатъ какую-бы то ни было долю этихъ предметовъ?.. Истиннымъ выраженіемъ новаго взгляда на свободу печати является не столько резолюція Комитета, сколько одна изъ рѣчей, произнесенныхъ въ ея защиту. «Мы, большевики»—сказалъ ораторъ,—«всегда говорили, что когда мы будемъ у власти, мы закроемъ буржуазныя газеты. Терпѣть буржуазныя газеты—это значитъ перестать быть соціалистами. Въ революціи нельзя стоять на одномъ мѣстѣ. Нужно идти или впередъ или назадъ. Кто говоритъ о свободѣ печати, тотъ идетъ назадъ и останавливаетъ поѣздъ, который мчится полнымъ паромъ къ соціализму». Не договорено здѣсь только одно: какая судьба должна постигнуть журналы, брошюры, книги, уличенныя или заподозрѣнныя въ «буржуазности»? Если свобода печати знаменуетъ собою «движеніе назадъ», то не ясно ли, что судьбу «буржуазныхъ» газетъ должно раздѣлить всякое печатное «буржуазное» слово? А какъ широко, какъ безгранично растяжимо понятіе о буржуазномъ и о буржуазіи—объ этомъ свидѣтельствуетъ многъ разъ повторявшееся въ послѣднее время сопричисленіе цѣлыхъ соціалистическихъ партій къ сонму мелкой буржуазіи.

Свобода печати—одна изъ формулъ, одно изъ проявленій свободы мысли. Свободу мысли уничтожить нельзя; не можетъ, поэтому, быть вырвана съ корнемъ изъ общественной жизни свобода печати. Тяжелымъ, трудно поправимымъ бѣдствіемъ будетъ временное ея затменіе.

К. Арсеньевъ.